

вращении экспедиции на давно покинутый ею склад и метеорологическую станцию... Кругом было тихо, только откуда-то из темноты доносился лай монгольских собак и своеобразный свист кроншнепа, пролетевшего несколько раз над спящим биваком.

Держась преимущественно северо-восточного направления, караван продолжал ежедневно покрывать от тридцати до пятидесяти верст и успешно оставлял за собою бесконечные песчаные барханы, лога и долины. Наконец седьмого апреля, отдохнув в урочище Тембу, мы вступили в кормную равнину, орошаемую в летнее время водою ущелья Барун-хит, и вскоре увидели приветливый зеленый оазис. Дорога оживилась; по сторонам появились китайские и монгольские постройки оседлых жителей, всходы полей и берега ручьев отливали изумрудом; по лугам паслись стада баранов и табуны лошадей, — во всем чувствовалась близость культуры...

Спускаясь с последней перед Дын-юань-ин'ом высоты, мы встретились с европейцами — супругами Магнусен, следовавшими в Пинь-фань, для совета с лучшими врачами. Еще полчаса и путешественники радостно приветствовали своих товарищей на складе, сумевших не только сохранить в образцовом виде всё экспедиционное имущество, но и с пользою провести время долгого одиночества: ответственный наблюдатель метеорологической станции гренадер Давыденков вполне оправдал доверие, и прекрасно выполнил возложенное на него поручение, за что тут же был произведен мною в старшие унтер-офицеры¹⁾.

---

¹⁾ Тем же приказом по экспедиции от седьмого апреля, я произвел в младшие урядники казака-забайкальца Бабасана Содбоева, обоих со старшинством с тринадцатого января сего 1909 года, т. е. со дня навсегда памятного участникам экспедиции.